

Сергей Михеенков

ПИСАТЕЛЬСКАЯ РОТА

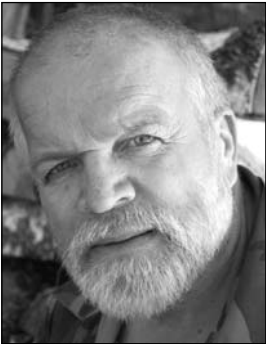
(О тех, кто к штыку приравнял перо)

Глава девятнадцатая

ИВАН АКУЛОВ

В ТОЙ ТРУДНОЙ ЖИЗНИ НА ВОЙНЕ

1

Сергей Егорович Михеенков родился в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Окончил Калужский государственный педагогический институт, Высшие литературные курсы. Служил в рядах Советской Армии. Публиковался в журналах «Подъём», «Москва», «Наши современники», «Юность», «Сура», «Аргамак». Автор многих книг прозы и исторической документалистики, вышедших в издательствах «Вече», «ЭКСМО», «Молодая гвардия», «Центрполиграф». Биограф маршалов Г.К. Жукова, И.С. Конева, К.К. Рокоссовского, певицы Лидии Руслановой. Живет в Тарусе.

Иван Окулов родился в деревне Уросовой, близ Туринска, Ленского района Свердловской области в семье дорожного мастера и мостовщика Ивана Григорьевича и его жены Натальи Филимоновны. Именно так, через начальное и заглавное «О» писалась его фамилия. Акуловым же по небрежности сделает его армейский писарь. Не единственная история, характерная для того непростого времени, когда простая запись армейского писаря становилась основополагающей, из которой происходили все последующие документы, удостоверяющие личность человека.

Ивану исполнилось девять лет, когда отец, подрядившись на строительство крупного завода, перевез семью в Свердловск. Страна строила «Уралмаш».

«Это было начало тридцатых голодных годов, — вспоминал Иван Акулов. — Жили мы вместе с сотнями других семей в землянках —

Продолжение. Начало в №№ 6–7, 10–12, 2023 г., № 2, 2024 г.

наши отцы работали на строительстве Свердловского машзавода. В школу бегали за пять верст в деревню Никаноровку.

Никаноровская школа оставила у меня особое впечатление. Это не главное, но здесь нас кормили горячими обедами и хлебом. И признаюсь от чистого сердца, такого вкусного супа, какой мы ели в школе, я после, кажется, никогда и нигде не едал. Мы не имели никакого понятия ни о тетрадях, ни об учебниках — у нас их попросту не было. Писали и решали задачи на газетах и обоях, сшитых в большие блокноты. Оттого что нам негде было достать необходимые книги к урокам литературы, наша учительница Клавдия Михайловна все читала нам сама».

Спустя какое-то время Окуловы перебрались в город Ирбит. Поселились в деревянном двухэтажном доме барачного типа неподалеку от школы.

Отец Иван Григорьевич часто болел и вскоре умер. Мать Наталья Филимоновна поднимала детей одна.

После окончания школы в 1939 году Иван поступил в Ирбитский зоотехникум.

Началась война, и Иван Окулов с третьего курса был призван в Красную Армию.

«...Меня на третью неделю призвали в армию и направили в пехотное училище. Двухлетнюю программу взводного командира должны были пройти за пять месяцев. И нетрудно представить наше курсантское положение, когда мы спали в сутки по четыре-пять часов. В минуты полного физического истощения мы находили единственное утешение: трудно в учебе, легко в бою. Счастливы, мы тогда еще не знали, что такое бой!»

В бой он попал уже весной 1942 года, сразу по окончании курса Тамбовского пехотного училища.

Брянский фронт. 3-я армия. 137-я стрелковая дивизия. В романе «Крещение» он называет ее «Камской».

Вот там-то, под бомбежкой, впопыхах, выправляя юному лейтенанту документы и назначение на взвод одной из стрелковых рот, занимавшей оборону в первой линии, писарь и махнул на слух: Акулов...

2

Под Мценском, где дралась 137-я стрелковая дивизия 3-й армии, шли тяжелейшие бои. Войска Брянского и левого крыла Западного фронтов проводили Болховско-Мценскую наступательную операцию. Целью операции была ликвидация Орловского плацдарма. После разгрома немецких войск под Москвой в наших штабах, да и в Ставке Верховного Главнокомандования тоже, в какой-то момент воцарилось настроение, которое весьма точно охарактеризовал кавалерийский генерал П.А. Белов: «преувеличенное представление о возможностях наших войск...» Маршал Г.К. Жуков, вспоминая те бои, замечал, что, мол, у многих тогда от временных успехов шапки были набекрень..

В центре целью наступления стал Ржевско-Вяземский выступ. А южнее — Орловск.

Этот, второй, словно неприступные форты окружали города Болхов, Мценск, Новосиль, Ливны. Немцы превратили их в мощнейшие опорные пункты с развитой системой артиллерийско-минометного и стрелкового огня. И вот 61-я и 3-я армии ринулись вперед. Наступление было неудачным, оно утонуло в крови.

Дивизия, в которую только что прибыл с маршевым пополнением молодой и необстрелянный лейтенант, выпускник ускоренного курса Тамбовского пехотного училища, наступала на Мценск. А о том, что было дальше, лейтенант, уцелевший в этом аду и ставший потом одним из лучших писателей Советского Союза, рассказал в своем романе «Крещение».

Иван Акулов

«Крещение» — это история о том, как из уральского юноши Николая Охватава, впервые взявшего в руки винтовку, любовь к родине и ненависть к врагу делает солдата, командира, офицера.

Роман датирован автором 1965–1975 годами. Книга писалась довольно долго. Десять лет — от главы к главе, от замысла к финалу.

Мастерски выписанные сцены боя. Вот лейтенант — уже лейтенант! — Охватав лежит в окопе рядом с бронейщиком. На их окоп идут танки. Лейтенант начинает торопить бронейщика — уже пора, как ему кажется, открывать огонь.

«— К чему торопиться-то? Если б убегали. А коли сюда идут, так совсем ближе будут. Помешкать надо. Ушли бы вы от меня. Ну ладно ли учить под руку, товарищ лейтенант? — При обращении бронейщик смягчился и виновато заискал что-то, охлопывая себя по карманам.

Из низины словно тихим дуновением явственно донесло разболтанный железный бряк. Мотоциклисты, поняв, что в обороне нет пушек, тоже стали спускаться. Над коляской одной из машин трепыхалось и опадало темное знамя на коротком древке.

В угор танки пошли напористее, на глазах страшно приближаясь. Засвистели, завизжали рои пуль — это стреляли с мотоциклов.

Зачастила дробно и беспорядочно оборона. Кратко, но весомо харкнуло бронейщик, вырвавшийся вперед и ближний к дороге танк остановился. Почему-то сбавили скорость и два других, но поравнялись с ним. И вдруг как по команде все три опять двинулись в гору, теперь уж совсем быстро в последнем броске. Гусеницы вздымали и далеко рассеивали охапки пыли, уже было видно, как она под ветерком густо перекипала, свивалась в тугие жгуты, которые временами накрывали машины вместе с башнями и пушками.

Рычание, пальба и лязг приближающихся танков, какое-то пронзительное трясение земли мешали сосредоточиться, мешали сделать что-то единственно верное и спасительное.

Охватав вжимался в неглубокий окопчик и ждал, когда снова выстрелит бронейщик, боясь торопить его и теряя последнее терпение. А бронейщик положил под локоть свою пилотку и все принаравливался плечом к накладке ружья, хомутил пальцами вороненое железо. Охватаву же казалось, что бронейщик вот-вот отпихнет от себя ружье и крикнет в отчаянии: «Да пусть сам черт стреляет из этой оглобли!»

Но бойца будто судорогой стянуло под ружьем, он весь напрягся, и от этого Охватав невольно поглядел вперед, понял, чего ждал бронейщик: ближний танк вынырнул из пыльного завоя, и по боковине стальной туши его скользнуло солнце, в это солнечное окно и выстрелил бронейщик. Танк еще продолжал двигаться, но на башне его откинули люк, а над пылью легко и летуче взнялась копна черного дыма.

Два других танка стали полого разворачиваться, может, хотели уклониться и обойти оборону, но бронейщик подстрелил и второй — в нем начали рваться боеприпасы, башню своротило набок, короткий обрез пушки немотно замаяхнул куда-то к черту, под самое солнце. Третий уже не маневрировал, не играл со смертью — задним ходом сполз в низину, выпятился из опасной зоны.

Мотоциклисты пытались дальше низины не поехали. Потолклись у нашего трактора и тоже поднялись на увал. На этом и кончился бой, но солдаты усердно половоали по горящей броне подбитых машин, чтоб никто из экипажей не ушел живым.

— Ну, ты молоток, паря-ваньша, — сибирской шуткой похвалил Охватов бронебойщика и первый раз разглядел его: тому уж за сорок, но он моложав, а глаза синие, чистые, ясные, праведные».

3

Иван Акулов возвышал русского человека в мгновения его явного величия. И страдал, когда те мгновения за русской душой не признавали. Валентин Сорокин, земляк его и верный друг до гробовой доски, в очерке-реквиеме «Без друга» писал: «Автор неповторимых романов “В вечном долгу”, “Крещение”, “Касьян Остудный”, “Ошибись, милуя” и пронзительных по своей страстности, содержательности и глубине рассказов, где каждая фраза — образ и тайна, каждая картина природы — живая, Иван Акулов так умело берег в себе отношение к людям, что лепил их щедро, по-хозяйски разбираясь в них и заботясь о них, как о родственниках, рядом творящих».

Это так. Разве не творец этот пожилой, по фронтовым меркам, бронебойщик с «чистыми, ясными» глазами. Творец. Он сотворил победу. Пусть в одном бою. «На этом и кончился бой...» Он победно провел и завершил его. И орден получил от лейтенанта Охватова: «Ну, ты молоток, паря-ваньша...» Молоток. Два «гвоздя» вбил последовательно и точно, одним ударом.

И дальше из очерка-реквиема: «Они творили дело, а он творил слово. И слово его — дело. Язык произведений Ивана Ивановича Акулова — тайна. Как рыдание кукушки — тайна, как сверкание инея на березе — тайна, так и художественный мотив писателя — емкий, колоритный, текучий, веющий удалью остроумия, древним страданием и блеском вдохновенной воли мастера, тайна».

Рукопись романа читали в журналах, но никто из главных редакторов «толстяков» не осмеливался запустить рукопись в печать. Лишь главный редактор журнала «Молодая гвардия» Анатолий Никонов, сам фронтовик, решился опубликовать необычный роман о войне. В 1969 году вышла первая часть. В 1971-м — вторая. И в 1973-м — третья. Последняя вышла уже при новом редакторе «Молодой гвардии» — Анатолии Иванове. Анатолии Никонова к тому времени с подачи высокопоставленного чиновника из ЦК КПСС А.Н. Яковлева уже уволили за публикации статей Михаила Лобанова¹, Виктора Чалмаева² и других публицистов и литературных критиков, осмелившихся говорить и писать правду, будить в читателях «русский дух».

В 1968 году Иван Акулов на встрече с земляками в Ирбите читал отрывки. В 1972 году в Центральной городской библиотеке Ирбита читатели обсуждали уже весь роман. Рукопись была завершена. Фронтовики тоже участвовали в том разговоре и говорили о том, что на фронте все так и было — жестоко, иногда нелепо и не всегда победно.

В 1975 году роман «Крещение» вышел отдельной книгой. Читатель принял новую книгу уральца восторженно. Критика словно воды в рот набрала. Анатолий Ланщиков по этому поводу заметил: «...к моменту выхода романа <...> критика устала спорить о минувшей войне и литературе о ней».

¹ М. Лобанов. Просвещенное мещанство. — 1968. — № 4.

² В. Чалмаев. Великие искания. — 1968. — № 3; В. Чалмаев. Неизбежность. — 1968. — № 9.

Что ж, критика вообще быстро устает от серьезных разговоров и тем. Зачастую она просто не знает, что с этим делать.

«Меня мало заботила внешняя сторона боевых действий, — говорил автор «Крещения». — Мне нужно было показать истоки народного подвига, которые скрыты в самой природе русского характера, проникнуть в душевный мир моих героев, найти психологическое объяснение поступков и вскрыть психологию самих поступков...»

В 1980 году «Крещение» было удостоено Государственной премии РСФСР им. М. Горького.

Книга выдержала пятнадцать изданий. Переведена на чешский и арабский языки.

Эту книгу называют биографической. Иван Акулов этого никогда не отрицал. Хотя, дело известное, к любой биографической книге писателя, тем более художественной, надо относиться все же именно как к художественному произведению. Другое дело, что чувства и страдания героев здесь трижды подлинны.

«...По госпитальной привычке Николай все время спал на спине, и белый костистый лоб его, и темные глазницы, и остро заточенный нос напоминали Елене мужа, лежавшего в гробу. Она боялась оставлять сына одного и, когда надо было убирать и топить магазин, просила посидеть с ним Иру. Судя по всему, Ире хотелось быть возле Николая: она и хлебные талоны стала подклеивать здесь, и выручку считать, и готовить кассу, а то и просто без всякого дела могла сидеть у его кровати. Положит ладошки свои на круглые колени и сидит, улыбаясь, будто издалека в гости приехала и любо ей в этих гостях.

Первая неделя для Николая была связана с живыми впечатлениями госпиталя, дороги и встречи с матерью. Но, постепенно обживаясь дома и привыкая, начинал вспоминать фронтовую жизнь; все перебирал одного за другим погибших старшину Пушкарева, рядового Абалкина, Петьку Малкова, Глушкова, Минакова и многих, многих убитых, чьих имен просто не знал и чувствовал себя виноватым перед ними, потому что остался жить, в свое время не сделал для них что-то самое главное, из-за чего они и погибли. Но это была и жалость, и вина живого перед мертвыми.

Но всегда по-иному Охватов думал об Ольге Коровиной и Тоньке, страшно испуганной ранением, когда она, видимо, осознала свою смерть. Он вспомнил их одинаково некрасивыми и страдал от того, что не знал, как определить свое угнетенное состояние. Встречи с Ольгой Коровиной и Тонькой в той трудной жизни пробудили в чуткой душе Охватова много нового и мучительно-прекрасного, и ему было больно за свой неоплатный долг перед ними. Иногда он хотел и пытался думать о них зло, но тут же думал с восторгом и удивлением. Они были освящены в его душе. Ему казалось, что он больше никого не поймет так близко и родственно, как понимал этих фронтовичек».

«...В той трудной жизни» — это жизнь на войне. Попытка не умереть раньше того часа и мгновения, которое тебе назначит солдатская судьба. Которая, как известно, всегда за плечами. Солдат на фронте всегда носит свою смерть с собой. Как вещевой мешок.

И еще, очень существенное в любом художнике: отношение к женщине, женские образы. Человек вообще меряется его отношением к женщине. Если, конечно, этот человек — мужчина. Авторское отношение к женщине — любовь, бережная дружба, стремление уберечь от зла, от гибели, от искривления и деформации того божественного предназначения, которое Бог, природа вложили в женщину. Его герои берегут свое отношение к женщине, свой «восторг и удивление».

Современный читатель, в особенности молодой, порою сетует: не смог, мол, прочитать «Крещение», сто страниц одолел и бросил — скучновато, как-то неровно...

Что ж, романы Ивана Акулова — не развлекаловка.

Роман «Крещение» написан не то чтобы неровно. Нет. Читатели в нем отмечают вот какую неровность. Слишком долго автор запрягает. Слишком, мол, затянута экспозиция. Слишком долго главный герой оглядывается по сторонам, прежде чем прыгнуть в огонь.

Ну, так в этом-то и дело. Прыгни сразу в огонь, попробуй. Когда тебе двадцать лет. А то и меньше. Когда ты и не жил еще. Как та друнинская восемнадцатилетняя девочка-санитарка, умирающая на руках у растерянного взвода: «Я еще, ребята, не жила...»

Потому-то и затянута экспозиция «Крещения», что главному герою романа, лейтенанту, перед возможной смертью хочется надышаться воздухом какой-никакой, а все-таки жизни, насмотреться на ее зримые признаки, на природу и дорогу, поговорить с боевыми товарищами, насмотреться в их лица, послушаться их голосов... Живых!

А потом все закрутилось-завертелось, заскрежетало и заревело, как в аду.

Ах, какая мощная и глубокая у нас, советских людей и русских читателей, литература о Великой Отечественной войне!

Военная проза у Ивана Акулова пошла не сразу. Был уже написан роман «В вечном долгу», повести «Варнак», «Двумя дорогами», «Земная твердь». Вышла книга рассказов. Может, поэтому формально он не вошел в обойму «лейтенантской прозы», куда, как новенькие патроны, сразу, после первых же публикаций, встали Юрий Бондарев, Григорий Бакланов, Вячеслав Кондратьев, Анатолий Ананьев, Василь Быков. Потом туда же, в ту же обойму, вошли Константин Воробьев, Анатолий Генатулин, Евгений Носов, Ольга Кожухова, другие. Акулов же и в этот набор не попал.

Так и стоит по сей день его «Крещение» особняком. Что ж, и один в поле воин.

5

Войну Иван Акулов закончил в Восточной Пруссии. Успел повоевать и командиром стрелковой роты, и комбатом. После тяжелого ранения какое-то время служил старшим адъютантом в 146-м армейском запасном полку. Носил погоны капитана. Грудь в медалях. Два ранения. В запас увольнялся с должности начальника штаба отдельного учебного батальона 194-й Речицкой Краснознаменной стрелковой дивизии. Командование предлагало остаться в армии, служить, направляло на учебу.

«Было мне двадцать два года, когда кончилась война, — вспоминал Иван Акулов свою судьбу на переломе. — Мое начальство хотело, чтобы я поехал учиться в военную академию, но я уже неискренно болел литературой и тайно мечтал писать. О чем писать?»

Мне думалось: раз я вышел живым из этой смертной купели — мне есть о чем рассказать и все мне по силам.

Вернувшись домой на Урал, в Ирбит, я поступил работать грузчиком на хлебозавод: деньги, конечно, мизерные, но в голодное время я оказался при хлебе — это раз. И второе — самое главное: работал я посменно — неделю грузю, другую отдыхаю. Лучшие условия для творческой личности вряд ли придумаешь. И я взялся за перо.

Но, как ни странно, писал не о войне. Видимо, душа моя была так сыта и так угнетена войною, что хотелось думать об иной жизни, да и пережитое на войне еще не улеглось на сердце».

При ирбитской газете «Коммунар» существовал литературный кружок. Собирались любители стихов и прозы, самодеятельные писатели и поэты. На нем-то и были прочитаны и обсуждены первые произведения хлебокомбинатовского грузчика, бывшего комбата и будущего прекрасного писателя, автора пронзительных романов о войне и хлебе.

Нужно было учиться. Иван Акулов поступил на филологическое отделение Свердловского государственного педагогического института и в 1950 году успешно окончил его. Работал учителем, директором школы³.

В ноябре 1952 года был призван в ряды Советской Армии вторично. По декабрь 1954 года преподавал в Свердловском Суворовском училище.

В 1955 году демобилизовался и поступил на должность собкора в редакцию областной газеты «Уральский рабочий». Какое-то время заведовал сельскохозяйственным отделом этой газеты. Много колесил по Зауралью, по райцентрам и деревням. Новые картины, конечно же, питали душу. В годы работы в газете были написаны две повести — «Двумя дорогами» и «Варнак».

В феврале 1963 года принят в Союз писателей СССР. В сентябре того же года поступил на Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР.

После окончания курсов снова вернулся на родной Урал.

С 1966 по 1970 год был главным редактором журнала «Уральский следопыт». Целиком изменил лицо журнала и его содержание. Среди авторов — Василий Белов, Владислав Крапивин, Виктор Астафьев...

В 1970 году переехал в Москву. Работал в редакции советско-болгарского альманаха «Дружба». Затем — главным редактором художественной литературы Госкомиздата РСФСР.

В 1970 году избран председателем приемной комиссии и секретарем Московского отделения Союза писателей СССР.

В 1977 году ушел со всех должностей и целиком погрузился в творчество.

Не порывал связей с родиной. В Ирбите жил его друг поэт и фронтовик Владимир Лаптев. Когда в «Современнике» вышел «Касьян Остудный», Иван Акулов писал другу: «Можешь поздравить меня: книга моя “Касьян” вышла — 100 000 тираж. Это для меня событие огромной важности, так как за всем этим стоит пятилетний труд, включая и годы жизни в Ирбите, где я в целом поработал весьма плодотворно. Сейчас я уже далеко шагнул в работе над третьей частью, которая будет не менее напряженной и острой в социальном плане. Рублю прямо! И только так. Я не признаю облегченной прозы, ты знаешь...»

Договорись об организации встреч в сельхозтехникуме, а также в школе № 1. Мне надо, чтобы люди встретились со мной, немного почитав написанное мною...»

Так и жил. Так и работал. И он — родине. И родина — ему.

В декабре 1977 года получил письмо от Виктора Астафьева: «...спасибо тебе за то, что ты доверился мне и дал прочитать свой роман. Ничего я честнее, мужественней и талантливей не читал в нашей литературе и нашей горемычной деревне... Только через себя пропустивши нашу деревню... возможно было написать о ней так глубоко, с таким проникновенным страданием, как это сделал ты. Все же твое преимущество в возрасте сказалось — несколько лет работы на земле, истинной, взрослой, наменяют всю память и интуицию, какая, например, дадена мне...»

³ Осинцевской средней школы Зайковского района Свердловской области. В 1951–1952 учебном году.

Из очерка Валентина Сорокина⁴ «Без друга»: «Сказал я об Акулове добро в “Литературной России”, а Виктор Астафьев мне пишет: “Понравилось, хорошо!” А Борис Можаяев звонит: “Удалец ты, и я о нем печатал!..” А Петр Проскурин замечает: “Акулов такой русский — замуруют!..” А Егор Исаев благодарит: “Завидую, сильно, Валя!..” А Юрий Бондарев, размышляя: “Акулов непременно один из самых честных ратных художников, непременно, но зависти остерегайся и ревности!..” Юрий Васильевич прав: роман Акулова “Касьян Остудный” волочили, волочили по журналам, а мне пришлось, опираясь на свою наивность, провести роман через издательство “Современник”, через ЦК КПСС и цензуру. <...> За романы Акулова, изданные в “Современнике”, меня допрашивали в КПК⁵:

— Почему Кадушкин, герой его романа, в колодец бросился?

— Так легче. Захлебнулся, и все. Сколько же терпеть грабителей?

— Не грабителей, а строителей новой деревни. Термины не те. Ясно?»

И еще несколько фрагментов из воспоминаний Валентина Сорокина:

«Идеал прозаика у Акулова — Бунин. Идеал поэта — Кюлов. Мне кажется, все они и натурами не чужие: истязание себя ради правды и русского молитвенного оздоровления — в их творчестве. Иван Иванович просиживал над ними сутками, восхищаясь:

— Бунин колдун и Кюлов колдун!..»

«Идеал деятеля у Акулова — Столыпин. Ему посвящен роман “Ошибись, милоя”. Роман выточен затворнически, так тонко, так фактово, что затоптать роман нельзя было и в то, икающее кремлевскими буфетами время. А в наше — неувядаемая задача темы и ее классическое разрешение автором не дадут снизить значение романа в обществе, как бы опять воюющем и раскулаченном...»

«Иван Иванович весьма прохладно смотрел на верующих, но разорение наших русских храмов не переносил: страдал и возмущался извергами. Поддавался знаменам и символам. Подробно рассказал мне историю летчика, упавшего в самолете под Новгородом в озеро во время боя с немецкими “мессершмиттами”. Много лет летчик сохранялся в герметической кабине. А вскрыли — прах рассыпался. Но невеста, старуха, успела угадать парня. “Русский народ — летчик, идущий на таран, он весь рассыплется, когда его страну вскроют! Весь!” — заключал Акулов».

« — Ну, саркофаг Ивана Грозного мы, хамы, разрушили? Ну, саркофаг Петра I мы, хамы, тоже разрушили? Крышку подняли — как живой Император! И сразу — прах, пыль брэнная. Не преступи заповеди жизни. И летчик, Саша, жених бабушки белой, чуть докоснулись — в прах. То — народ русский, измученный, народ, убитый в подвалах, тюрьмах, войнах, абортах и прочих кознях, народ, Валя, народ!»

«Иван Иванович грустно делился итогами бессонниц: “Понимаешь, Валентин, террористы и эзки, революционеры, дорвавшись до власти, навоздвигали памятников себе и, породив миллионы, изобретя миллионы преступников, обрекли их, в грядущем, на амнистию, а теперь памятники, воздвигнутые теми, первыми, сносятся, а памятники амнистированным — возводятся! Жуткая суть!..”»

«Перед Толстым и Лесковым, Буниным и Шишковым благоговел до конца дней своих. Цитировал Пушкина наизусть — из “Бориса Годунова”. Некрасова читал

⁴ В тот период В.В. Сорокин был главным редактором издательства «Современник».

⁵ Комитет партийного контроля при ЦК КПСС.

кусками, не опираясь на текст, читал, как собственные страницы, Клюева ценил высоко, а моей преданности Есенину завидовал и недоумевал: неужели я обожаю Есенина больше, чем он обожает Клюева?»

6

Критик Наум Лейдерман очень точно определил эволюцию писателя: «Иван Акулов — единственный на Урале настоящий романист (после Мамина-Сибиряка). Он постепенно шел к своему жанру — сначала был тривиальный соцреалистический роман “В вечном долгу”, потом — мучительная работа над “Крещением”, тут просто физически ощущаешь, как от части к части растет мастерство Акулова-эпика. Роман “Касьян Остудный” не смог пробиться на страницы “Урала” (его вообще не пропустили ни в один журнал), но ведь это же замечательная вещь. А возьмите критические книги или новые учебники и пособия по русской литературе 70 — 80-х годов. Там, как только заводят речь о современных романах, посвященных “великому перелому”, сразу упираются в “Кануны” Белова, “Мужики и бабы” Можаява, ну еще помянут алексеевских “Драчунов”... Но ведь “Касьян Остудный” композиционно куда крепче скреен, а какая там пластика — словно густой луг, где каждая травинка, каждый лютик выписаны. А собственно историческая концепция акуловского романа куда многомернее, сложнее, чем в других романах на сходную тему».

Иван Акулов так и не стал *московским* писателем. И в этом, по всей вероятности, главная причина того, что он так и остался в нашей литературе писателем недооцененным, отодвинутым от главных литературных магистралей с их в то время мощнейшей инфраструктурой — издательствами, «толстыми» журналами, еженедельниками, радио, телевидением, премиями, орденами и домами творчества.

В конце 70-х он купил в деревне Бузиной близ Ирбита дом и стал наезжать туда и жить подолгу. Работал. «Почему тянет в родные места? — размышлял Иван Акулов в одном из интервью. — Сразу и не объяснишь. Тянет, и все тут. Бросаешь тогда дела и едешь. Едешь на свидание с родиной».

Его свидания с родиной были наполнены работой.

Бывал и в родной Урусовой. Часами сидел у прозрачного Оськиного ключа.

Не влившись в московскую писательскую среду, он, тем не менее, издавался довольно много. Был и прижизненный трехтомник. «Толстые» журналы тоже стали его привечать. В 1987 году в «Москве» вышел роман «Ошибись, милуя». Потом один за другим пошли романы в «Роман-газете» — «В вечном долгу», «Крещение», «Касьян Остудный»...

7

Умер Иван Иванович Акулов 25 декабря 1988 года на 67-м году жизни. Похоронен рядом со своей женой на сельском кладбище близ Сергиева Посада. Пережил он свою Галину Григорьевну всего на несколько месяцев. Неинтересно ему стало жить на белом свете одному...

БИБЛИОГРАФИЯ

Двумя дорогами. Повесть. — Свердловск, 1958.

Варнак. Повесть. — Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1962.

Капельки живинки. Рассказы. — Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1963.

В вечном долгу. Роман. — Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1973.
Земная твердь. Повесть, рассказы. — М.: Современник, 1974.
Крещение. Роман. — М.: Молодая гвардия, 1975.
В вечном долгу. Роман. — М.: Современник, 1977.
Касьян Остудный. Роман. — М.: Современник, 1978.
Шаманы. Пьеса в 2 д. — Москва: ВААПИ-нформ, 1979.
Крещение. Роман. — М.: Советская Россия, 1983. (Лауреаты Государственной премии РСФСР им. М. Горького).
Избранные сочинения. В 3-х т. Вступительное слово Б. Можаяева. — М.: Современник, 1982–1984.
Касьян Остудный. Роман. — М.: Современник, 1981.
Касьян Остудный. Роман. — Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1982.
Ошибись, милуя. Роман. — М.: Современник, 1987.
Скорая развязка. Повести, рассказы, пьеса. — М.: Советский писатель, 1989.
Касьян Остудный. Роман. — М.: Современник, 1991. (Библиотека русского романа).
Крещение. Роман. — М.: Вече, 1994.
Крещение. Роман. — М.: Вече, 2015. (Военная эпопея).

НАГРАДЫ И ПРЕМИИ

Орден Отечественной войны 1-й степени.
Орден Отечественной войны 2-й степени.
Орден Дружбы народов.
Медаль «За взятие Кенигсберга».
Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
Государственная премия РСФСР им. М. Горького (1980) — за роман «Крещение».

Глава двадцатая

ВЛАДИМИР БОГОМОЛОВ

«ОН БЫЛ ОПАСНЫМ ЧУДАКОМ...»

1

Первой «взрослой» книжкой, которую я прочитал, была повесть Владимира Осиповича Богомолова «Иван».

Я тогда ходил во второй или в третий класс. Жили мы в деревне Воронцово. Школа наша располагалась в соседнем селе Закрутом, в бывшей барской усадьбе, за речкой Десенкой. Была там и библиотека в старинном кирпичном здании на две стороны. В одной стороне — сельский клуб, в другой — библиотека с деревянным крыльцом и широкими лавочками, так что можно было посидеть и почитать прямо там. Помню даже обложку этой книги — мягкая, небольшой формат, рисунок на обложке в синих и голубых тонах, и разведчики идут в ночи, под вспышками ракет. Честно говоря, рисунок на обложке меня и привлек.

А потом, в 70-е годы прошлого века, мне довелось служить в отдельном полку береговой охраны, где осенью 1945 года командиром разведроты служил лейтенант Владимир Войтинский...

Богомолов был, пожалуй, самым издаваемым писателем советского периода русской литературы. Огромную популярность имел его роман «Момент истины. В августе сорок четвертого». Это настоящий бестселлер. Миллионы экземпляров расходились мгновенно, в тот же день, когда очередной тираж поступал на прилавки книжных магазинов. Сразу несколько издательств переиздают и переиздают его и теперь.

Владимир Осипович (Иосифович) Богомолов родился 3 июля 1924 года в деревне Кирилловке Московской губернии. В детстве и до 1953 года носил фамилию Войтинский — по отчиму. Впрочем, некоторые исследователи загадочной и полной тайн биографии писателя утверждают, что Иосиф Савельевич Войтинский был его настоящим отцом, но жил с матерью Войтинского-Богомолова в гражданском браке.

Время было такое, что люди многое из своего прошлого вынуждены были скрывать. Или ретушировать, выправлять под стандарты нового царства-государства, в котором оказались после 1917 года и Гражданской войны, закончившейся победой Красной Армии. Мать — Надежда Павловна Богомолец (по первому браку), в девичестве Тобиас, дочь виленского адвоката. Работала секретарем-машинисткой в редакции журнала «Знамя» в Москве. Образованная, знала языки, в том числе французский, до революции некоторое время жила и училась во Франции.

До десяти лет Владимир Войтинский жил у родителей матери в деревне Кирилловке (Кириллове). Воспитывал его в основном дед, Георгиевский кавалер, кирilloвский плотник. Впоследствии Богомолов признавался, что многие черты характера у него именно от деда. В одном из интервью писатель сказал о своем деду следующее: «Дед в 25 лет вернулся с Русско-японской войны кавалером двух Георгиевских крестов... в 1916 стал полным Георгиевским кавалером...» Впрочем, сторонники другой биографии Богомолова высказывают сомнения в самом существовании деда — Георгиевского кавалера. В 1938 году Владимир окончил девять классов средней школы № 71 г. Москвы и уехал в Севастополь. В Севастополе устроился на работу счетоводом. Потом служил моряком, помощником моториста Азово-Черноморского «Рыбтреста». Школу бросил.

Дело в том, что 6 марта 1938 года отчим Иосиф Савельевич Войтинский (1884–1943) был арестован органами НКВД вместе с большой группой ученых-юристов. До революции И.С. Войтинский служил помощником присяжного поверенного судебной палаты в Санкт-Петербурге. После революции вполне вписался в новые обстоятельства и сделал неплохую юридическую карьеру. В 20-е годы прошлого века — профессор факультета общественных наук МГУ. Затем — член Президиума Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, в штате Института советского строительства и права при Коммунистической Академии. В 30-годы ему присуждена (без защиты) степень кандидата юридических наук. С 1935 года — профессор Высшей школы профсоюзного движения при ВЦСПС. Явный профессиональный и карьерный успех! И вдруг — арест по делу ученых-юристов. Еще до суда с И.С. Войтинским случился удар. Военный трибунал Московского военного округа вынес приговор о «принудительном лечении в закрытых медицинских учреждениях». Отчим умрет в 1943 году в Казани в спецлечебнице для психически больных.

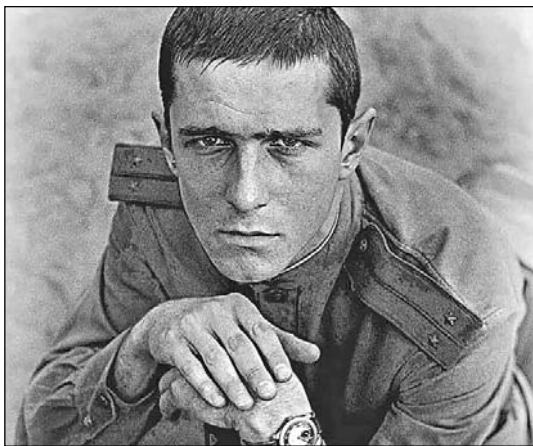
С арестом И.С. Войтинского семья, привыкшая к обеспеченной жизни, стала нуждаться. Владимир, работая в рыбтресте, неплохо зарабатывал и часть денег высылал матери.

В мае 1941 года вернулся в Москву. Началась война, и Владимир добровольцем вступил в Московский противопожарный полк МПВО в Филях. Затем становится курсантом школы младших командиров одной из бригад 4-го воздушно-десантного корпуса. Вскоре направлен на Калининский фронт. Контужен. Отправлен в эвакогоспиталь в Бугульму.

Но тут биографы начинают разногласия. Некоторые исследователи отрицают пребывание Владимира Войтинского в эвакогоспитале, настаивая на том,

что с ноября 1941 года по апрель 1942-го он командовал отделением разведки одной из воздушно-десантных бригад 4-го или 9-го ВДК, что участвовал в высадке воздушного десанта в район Вязьмы и что там был ранен, отправлен в госпиталь в Ташкент, а затем в Бугульму — по месту пребывания в эвакуации его семьи.

Если это было так, то будущий автор романа «Момент истины» попал в настоящее пекло. 4-й ВДК в ходе Ржевско-Вяземской операции 1942 года высаживался в районе Знаменки в помощь Западной группировке 33-й армии генерала М.Г. Ефремова и 1-му гвардейскому

Владимир Богомолов

кавалерийскому корпусу генерала П.А. Белова. Бригады и батальоны выбрасывали прямо на оккупированную территорию, иногда буквально на головы немцев, так что часть парашютистов погибла еще в воздухе.

Из воспоминаний Владимира Богомолова: «...отправиться в армию меня подбили двое приятелей, оба были старше меня. Спустя три месяца, в первом же бою, когда залегшую на мерзлом поле роту накрыло залпом немецких минометов, я пожалел об этой инициативе. Оглушенный разрывами, я приподнял голову и увидел влево и чуть впереди бойца, которому осколком пропорол шинель и брюшину; лежа на боку, он безуспешно пытался поместить в живот вывалившиеся кишки. Я стал взглядом искать командиров и обнаружил впереди — по сапогам — лежавшего ничком взводного, — у него была снесена затылочная часть черепа...»

Сторонники *другой биографии* Богомолова попросту отрицают сам факт пребывания в 1941 году Владимира Войтинского в действующей армии и утверждают, что в начале войны он жил в эвакуации в Татарстане вместе с матерью. Благо, недавно найдены документы, свидетельствующие о ранении и контузии и о новом назначении по выписке из военного госпиталя.

После госпиталя Владимир Войтинский направлен для дальнейшего прохождения службы старшим группы в распоряжение Ижевского артиллерийского технического училища. Документально это тоже доказано. В 1943 году окончил училище и выпущен в звании младшего воентехника-лейтенанта. Но тут опять некий сбой: по документам, после училища Войтинский проходит то в звании сержанта, то старшины. С конца 1943 года в войсковой разведке. Форсировал Днепр, воевал на Северном Кавказе, участвовал в Новороссийско-Таманской, Житомирско-Бердичевской, Кировоградской наступательных операциях. Воевал в разведке, в 117-й гвардейской стрелковой дивизии. В январе 1944 года получил второе ранение. Госпиталь в Армавире. И тут снова сбой: с февраля 1944 официально считается пропавшим без вести. Более того, по другим данным, подтвержденным документально (Центральный архив Министерства обороны РФ⁶), следует, что В.О. Войтинский направлен в 15-й запасной стрелковый полк в г. Сталинград. Числился рядовым стрелком. Рыбак, 9 классов, член ВКП/б/, русский, военно-учетная специальность — 1-й взвод 6-й роты; дата призыва в армию — 1941 год, через Московский РВК. В 15-м ЗСП 12 февраля 1944 года присвоено воинское зва-

⁶ Фонд Армавирского ВПП, Оп. 192092, д. 4.

ние старшина⁷. Куда же делось звание младшего воентехника-лейтенанта, полученное в артиллерийском техническом училище в г. Ижевске?

А дальше, по данным ЦАМО, из управления МГБ был комиссован «на основании состояния здоровья, связанного с прохождением военной службы».

По тем же документам ЦАМО, Владимир Войтинский вторично призван на фронт Акташским РВК Татарской АССР 15 июня 1943 года после лечения тяжелого ранения и контузии, полученных в апреле 1942 года под Вязьмой. Так что картину боя в мерзлом поле на смоленской земле Владимир Осипович Богомолов не сочинил.

Войну закончил в Германии. А до этого были — Польша, Восточная Пруссия.

После Победы служил в Маньчжурии, на Южном Сахалине, на Чукотке. И снова переведен на Западную Украину, там шла борьба с бандеровщиной. Из лесов, из схронов выкуривали свидомых и агентов абвера, которые в то время служили уже другим разведкам.

В это время в одном из подразделений произошло ЧП. На офицерском совещании капитан Войтинский показал характер, видимо, настаивая на справедливом решении чьей-то судьбы, но вступил в конфликт с начальством. Как водится, наговорил лишнего. Впоследствии, видимо, зная свою несдержанность в схватках за справедливость, будет избегать всяческих собраний и обществ. Арестован. Больше года просидел под арестом, из них девять месяцев — в карцерах. До суда дело не дошло. Отпущен. Никаких обвинений предъявлено не было. Начальство лечило строптивца-фронтовика от изъянов характера. Биографы свидетельствуют, что при освобождении из-под стражи «за весь срок было выплачено денежное содержание, предложили путевку в дом отдыха. А он хотел другого — хотя бы просто извинений от официальных органов...»

3

В запас уволился в 1949 году, но служба продолжилась. В начале 1950-х годов служил в аналитическом отделе ГРУ, капитан Разведуправления Штаба Группы Советских Войск в Германии и Генерального штаба. Отдел занимался сбором материалов по американской оккупационной зоне в Западном Берлине. После слияния военной и внешней разведки продолжал работу в Берлине в Комитете информации при Совете министров СССР. Затем — в ГРУ Генштаба. И тут новый поворот в, казалось бы, счастливой судьбе разведчика: арестован и переведен во внутреннюю тюрьму МГБ во Львове. В львовской тюрьме содержался год, после чего отпущен. По решению Военной прокуратуры тюремный срок зачтен как офицерский стаж.

Сторонники *другой биографии* намекают на то, что в Львовскую тюрьму Войтинский был не посажен, а подсажен.

Журналисту «Комсомольской правды» Ольге Кучкиной рассказывал: «...просидел в камере с бандеровцами больше года ни за что ни про что. Через тринадцать месяцев выпустили без судимости. И тогда принял решение: ни при каких обстоятельствах не входить в контакт ни с какими государственными и общественными структурами — ни служить, не вступать в партию, вообще никуда. Этому решению следовал всю жизнь».

В этом интервью Богомолов как будто объясняет свое решение не вступать в Союз писателей СССР, да и в целом свою отстраненность от писательского братства и общественных дел.

Из интервью художницы Н.Г. Холодовской⁸ Ольге Кучкиной:

⁷ ЦАМО, Ф. 8216, оп. 80297, д. 2.

⁸ Н.Г. Холодовская училась в одной школе с Владимиром Войтинским. Ее старший брат был одноклассником Владимира Иосифовича Войтинского.

«...Мать Надежда Павловна, по первому мужу Богомолец, вовсе не украинка⁹, а еврейка из Вильнюса, дочь адвоката, ее девичья фамилия — Тобиас».

«...Иосиф Войтинский был репрессирован и расстрелян в 1937 году¹⁰. У Володи тогда случился нервный срыв, в результате которого он попал в психиатрическую лечебницу. Видимо, с тех пор он и состоял на учете. За ним всегда водились странности, он всегда был очень нервным. Когда началась война, он с матерью и старшей сестрой Катей был в эвакуации в Татарской АССР, в селе Березовка Микулинского сельсовета Бугульминского района. Работал учетчиком в колхозе “Новый путь” до конца 1942 года. И вдруг неожиданно исчез. Мать считала его погибшим и была поражена, когда он после окончания войны вдруг явился живой и невредимый».

«...В конце 50-х я прочитала повесть Богомолова “Иван” и нашла в ней кусок о гибели Котьки Холодова. В Котьке Холодове я увидела моего брата Костю Холодовского. Он воевал на 2-м Белорусском фронте, был механиком-водителем самоходного орудия, дошел до Польши. О том, как он погиб, написал оставшийся в живых Леонид Цыбик. Он учился в одном классе с Володей Войтинским. Так тогда звали Богомолова.

...У него была справка, по которой в армию не брали».

«...Я работала художественным редактором “Детгиза”. Мы издавали повесть “Иван”. В редакции я сразу узнала Войтинского. Меня он вспомнил, ведь я была младше. Я спросила, вымышленные его герои или нет. Он ответил: вымышленные. Услышав о Косте Холодовском, насторожился. А когда я сказала, кто я и назвала его Войтинским, пришел в ужас и вылетел из редакции. С фронтом все таинственно. Он говорил, что прошел войну без единой царапины, что сидел 11 месяцев в тюрьме с бандеровцами во Львове, ожидая вместе со всеми расстрела, а потом его кто-то вытащил. Но если бандеровцев расстреляли, а он вышел на свободу, значит, он мог быть подсадной уткой. И, стало быть, связан с органами. <...> А “Ивана” он написал, между прочим, на даче моего однокурсника по Полиграфическому институту Леонида Рабичева».

В закоулках загадочной биографии Богомолова отметился художник и писатель Леонид Рабичев. Цитировать его не стану. Скажу только, что основной смысл его откровений сводится к тому, что Богомолов не тот, за кого себя выдает, что написанием лучших своих книг он обязан его, Рабичева, даче, его, Рабичева, рассказам о войне и его, Рабичева, письмам с фронта...

Сказать откровенно, кто из писателей не переплавлял рассказы друзей и случайные письма с фронта в прозу. Другое дело, что не у всех это получалось...

«Связан с органами» — это для среды, в которой выстраивали свою внутреннюю идеологию и проповедовали ее вовне Холодовская и Рабичев, и диагноз, и приговор одновременно. Так что намеки на мутное военное прошлое Богомолова из уст этих критиков и правдоискателей смахивают на некий заговор и явно папахивают оговором.

СМЕРШ — организация сложная. И то, что сделали для Победы солдаты и офицеры СМЕРШа, неоценимо. Именно это надо иметь в виду, прежде всего, пытаюсь что-то понять в биографии и военной службе Владимира Богомолова.

⁹ Владимир Богомолов утверждал, что его мать — украинка, по всей вероятности, таким образом скрывая и свое еврейское происхождение.

¹⁰ Здесь явное расхождение с действительностью: И.С. Войтинский был арестован в 1938 году, а в 1943 году умер в психиатрической больнице в Казани.

Изучая документы, найденные в Подольском архиве Министерства обороны — списки личного состава, ведомости, переписку военных ведомств и другие, — невольно суммируешь некоторые характерные детали. Например, везде национальность Владимира Войтинского — «русский». В некоторых публикациях Богомолова упрекают, что он стеснялся того, что он еврей, что старался избавиться от своего еврейского происхождения, как от нежелательного прошлого.

Возможно.

Потому-то можно предположить, он и шарахнулся от своей бывшей однокашницы. Она видела в нем не того, кем он вернулся с войны, и пыталась укорить его прошлым...

Согласно тем же документам, Владимир Войтинский пропал без вести 6 февраля 1944 года. Именно в это время и в связи с выбытием из списков личного состава появляется запись о матери Надежде Павловне и ее домашний адрес. До этого во всех анкетах и ведомостях в графе сведений о семье стоял прочерк или краткое «нет».

Одно из условий для идеального разведчика — необремененность семейными узами. Свобода от привязанностей к близким, от ответственности, беспокойства и заботы о них. Этакое вольное сиротство, которое, возможно, Войтинский для себя просто придумал.

Выполнял секретное задание командования? Возможно. Иначе как объяснить такое к нему доверие высших чинов ГРУ после войны, когда он взялся за тему войны и потребовался доступ к секретным архивам? Тем более что и сюжет его главного романа развертывался в августе 1944 года, а в канун августа будущий автор «Момента истины» и *пропал без вести*...

Документы, найденные в архиве, тоже противоречивы. Одни свидетельствуют о том, что 6 февраля 1944 года Войтинский пропал без вести. Другие — что 12 февраля 1944 года он в звании старшины прибыл с группой бойцов в 6-ю роту одного из полков 8-го гвардейского механизированного корпуса.

Именно в это время Войтинский из войсковой разведки переводится в СМЕРШ. Совпадение?

Когда он уже служил на Чукотке, появился следующий документ:

**«НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ
ПОГИБШЕГО И ПРОПАВШЕГО БЕЗ ВЕСТИ
РЯДОВОГО И СЕРЖАНТСКОГО СОСТАВА.**

Прошу снять с учета потерь в/с **ВОЙТИНСКОГО** Владимира Иосифовича, уроженца г. Москвы, на которого Вами было выслано извещение за № ПР-3012 от 30.12.46 года как на пропавшего без вести в феврале 1944 года, так как при обследовании инспектором Райсобеса выяснилось, что он жив, находится на Чукотке и на днях имел оттуда разговор со своей матерью.

Киевский райвоенком полковник **ФРОЛОВ**.

Врио начальника I части капитан **ЗАСЛАВСКИЙ**.

19.02.47».

Как объяснить этот документ?

Настало время, когда Владимира Иосифовича Войтинского можно было считать среди живых...

С октября 1946 года служил на Южном Сахалине. Здесь участвовал в зачистках от диверсионно-террористических и шпионских групп, оставленных на островах японцами. Снова ранен. После госпиталя направлен в 3-е Главное управление МГБ СССР.

После войны экстерном окончил среднюю школу рабочей молодежи. В 1952 году поступил в МГУ на отделение русской филологии.

В 1957 году в журнале «Знамя» вышла повесть «Иван». Проза Владимира Богомолова сразу же нашла своего читателя. А в 1962 году режиссер Андрей Тарковский снял по ней художественный фильм «Иваново детство». До 1998 года повесть пережила 219 переизданий на 40 языках мира. Потрясающий успех!

Вместе с поклонниками и почитателями появились завистники и злопыхатели. Как водится... И бродят по интернету «свидетельства» так называемой альтернативной биографии. Есть ли в них хотя бы крохи правды? Возможно. И даже, вполне вероятно. Но это лишь подтверждает, что, прежде чем стать автором повести «Иван» и романа «В августе сорок четвертого», Владимир Иосифович Войтинский (Богомолец) проделал большой, мучительный и опасный путь, который мог трагически прерваться в один миг. И в 42-м под Вязьмой на мерзлом поле, когда залегшую роту немцы накрыли минометным огнем. И в 43-м при форсировании Днепра, и в 44-м, когда он, возможно, вместе со своими героями старшим лейтенантом Евгением Таманцевым, капитаном Павлом Алехиным, лейтенантом Андреем Блиновым гонялся по белорусским лесам в прифронтовой полосе 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов за абверовцами. Да и после окончания войны, когда участвовал в ликвидации бандеровских банд на западе Украины и японских диверсионных групп на Южном Сахалине. Этот сложный путь и сделал, вылепил из Войтинского (Богомольца), из нервного юноши и недоучившегося школьника, а затем новобранца и десантника вначале солдата, потом офицера и разведчика, замечательного прозаика Владимира Осиповича Богомолова.

Писатель Станислав Минаков в одном из своих эссе точно охарактеризовал те ключевые-грозовые и перистые облака, которые всю жизнь нависали над головой Богомолова: «О писателей Владимире Богомолоче впору писать приключенческий роман, настолько его биография — подлинная и вымышленная — неожиданна, изменчива, интересна, захватывающа. В ней и тайна, и война, и служба в разведке-контрразведке, и борьба с бандеровскими и дальневосточными бандами, и тюрьма, и писательство — с доступом в спецархивы, куда другим хода не было, и принципиальность, и непримиримость. Богомолова многие считали писателем огромного таланта и обладателем невыносимого, конфликтного характера. Один из лучших прозаиков фронтовой плеяды Великой Отечественной войны Владимир Богомолов занимает свое неотъемлемое место в строю вместе с Константином Воробьевым, Евгением Носовым, Василем Быковым, Вячеславом Кондратьевым, Борисом Васильевым, Юрием Бондаревым и другими».

Характер у Богомолова действительно был. Но был и яркий талант, и прекрасное знание темы, и все то, что нужно для большого писателя. И все это он постоянно и добросовестно оберегал. Все бури, интриги и страсти, которые время от времени охватывали писательское сообщество, пронеслись мимо. Все предпочтения и льготы, которыми пользовались члены Литфонда в виде бессрочных путевок в дома творчества, заграничных поездок, переделькинских дач и прочего — мимо. Ну и слава Богу! Его *покой и воля* (по Пушкину) в рабочем кабинете были для него стократ дороже суетных поездок на Запад, куда стремились по большей части за заграничным барахлом, плодотворней домов творчества, где при всем при том, что не надо было заботиться о быте, невозможно было уединиться, с головой уйти в август 44-го...

Писатель Юрий Козлов сказал о нем весьма точно: «...Богомолов был... фронтовиком, прошедшим огни, воды и медные трубы, отведавшим славы (он чуть было не стал Героем Советского Союза на форсирование Днепра, ему пришлось нырять

с лодки в ледяную воду, чтобы поднять со дна сейф с секретными документами, поэтому первыми на другой берег высадились другие солдаты) и тюрьмы, ни в грош не ставившим награды, премии и прочие знаки отличия. В советском понимании он был опасным чудаком, отказывающимся от жизненных благ: принципиально не вступал в Союз писателей, конфликтовал вплоть до снятия своего имени из титров с кинорежиссерами, включая таких, как Андрей Тарковский, считал себя непубличным человеком, отказывался от переводов на иностранные языки, если в тексты пытались внести “корректирующие” в отношении описываемых событий правки, не признавал никаких над собой авторитетов, не следовал общепринятым правилам и никогда не наступал на горло собственной песне... Его жизненным кредом были с одной стороны солженицынский (“не верь, не бойся, не проси”), а с другой — булгаковский (“придут и сами все дадут”) принципы. Хотя в следовании им Владимир Богомолов пошел дальше — он отказывался брать, когда давали».

6

Прозу Богомолова постоянно экранизировали. Либо пытались это делать. Вот что из этого выходило...

Режиссер Андрей Тарковский в 1962 году по мотивам повести «Иван» снял фильм «Иваново детство». Получился шедевр. Сценарий писал сам Тарковский, имея в виду, что главную роль будет играть Николай Бурляев, тогда еще подросток. И сценарий, и режиссура, и работа актеров, в особенности Бурляева, и съемки (оператор В. Юсов) — все было прекрасно в этой киноленте. В ту пору наш кинематограф действительно был художественным. «Иваново детство» высоко оценено кинокритиками и зрителями. В Венеции на кинофестивале лента получила «Золотого льва». Появление киношедевра, конечно же, вызвало бурную вспышку интереса к оригиналу — к повести «Иван» и к творчеству тогда еще малоизвестного автора, пишущего о войне. Издатели наперебой предлагали на самых выгодных условиях заключить договор на издание повести «Иван» и других произведений.

К тому времени в столе у Богомолова был рассказ «Первая любовь» (1958) и ранний роман «Академик Челышев». Роман он публиковать не хотел, считал его слабым. А новая повесть «Зося» появилась в 1963 году. Тем же 1963-м датированы рассказы «Сердца моего боль», «Кладбище под Белостоком», «Второй сорт», «Кругом люди», «Участковый», «Сосед по квартире».

Можно предположить, что, при всей осторожности во взаимоотношениях с людьми киноиндустрии и даже нелюбви Богомолова к экранизациям своей прозы, именно шумный успех фильма «Иваново детство» дал, как говорят критики, положительный импульс для дальнейшей работы.

Немногим известно, что до Тарковского повесть «Иван» пытался вывести на экран режиссер Эдуард Абалов. Сценарий писал Михаил Папава совместно с автором повести. Снимали на «Мосфильме». При просмотре первого монтажа обнаружилось вольное обращение со сценарием. В ходе съемок, без согласования с автором повести, режиссер изменил сюжетные ходы, выправил финал, сделал его более мажорным, в духе, так сказать, времени. К примеру, Иван остается жив и после войны с женой едет осваивать целину... Богомолов посмотрел и сказал: «Нет». Фильм в прокат не вышел. К кино тогда относились серьезно, строго. Особые требования предъявлялись к экранизациям художественных произведений. Халтура проходила редко. Если уж взялся за экранизацию романа или повести, даже рассказа, то изволь следовать тексту и сюжету, к литературе не относились как к лому, материалу, с которым можно поступать и так и этак...

После выхода в журнале «Новый мир» романа «Момент истины» за работу над его экранизацией принялся известный, талантливый и модный тогда литовский режиссер Витаутас Жалакявичус¹¹. В одном из редких интервью Богомолов сказал: «Жалакявичус непонятно для чего заставил актеров неделю или больше не бриться, снимал их со щетиной на лицах, с закатанными выше локтя рукавами, без ремней, с расстегнутыми до пупа гимнастерками. Они действительно походили на арестантов с гауптвахты. Причем время от времени неожиданно со злыми лицами применяли друг к другу боевые приемы. Во всем материале режиссером была осуществлена вестернизация: герои двигались и говорили, как ковбои в «Беликолезной семерке»».

Много позже, в 2000 году, белорусский режиссер Михаил Пташук повторил попытку снять фильм по известному роману. Лента вышла на широкий экран под названием «В августе 44-го». Когда работа была закончена, Богомолов посмотрел ее и попросил убрать свое имя из титров — ключевые эпизоды, на которых держался и сюжет, и основная интрига, по его мнению, оказались проваленными. Свою позицию пояснил так: «Персонажи лишились психологических характеристик, ушел мыслительный процесс, в силу изъятия и оскопления большинства эпизодов и кадров появились порой абсурдные нестыковки и несуразности, при этом картина оказалась лишенной смыслового шамгура, оказалась примитивным боевичком с изображением частного случая, что ничуть не соответствует содержанию романа».

Неуступчивый характер Богомолова не раз проявлялся и во взаимоотношениях с издателями. В 70-е годы югославское издательство заключило договор на перевод и тираж романа «Момент истины». До автора дошла информация, что в процессе перевода на сербохорватский язык затронут текст и смысл «сильно отходит от оригинала». Богомолов тут же написал письмо Иосипу Броз Тито, и руководитель Югославии отдал распоряжение приостановить издание. Книга в Югославии так и не вышла.

Не сложились и взаимоотношения с польскими издательствами. Поляки не приняли в романе главного — собирательного образа Армии Крайовой. Армия Крайова, характер ее действий на территории Западной Украины, Западной Белоруссии и в Прибалтике Богомоловым подана в резко отрицательных тонах. Что, впрочем, соответствовало действительности. В документах судебного процесса о преступлениях формирований Армии Крайовой говорится: «В результате террористической деятельности АК-НІЕ в период с 28 июля по 31 декабря 1944 года убито 277 и тяжело ранено 94, а в период с 1 января по 30 мая 1945 года убито 314 и тяжело ранено 125 солдат и офицеров Красной Армии». Богомолов цитировал эти документы, свидетельствующие о чудовищных преступлениях АК в те дни, когда Красная Армия и 1-я армия Войска Польского наступали в направлении Варшавы. К 1 августа 1944 года ударная группировка левого крыла 1-го Белорусского фронта маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского вышла к Варшаве. И что же? Истинные поляки стреляли своим освободителям в спину.

Сейчас польские историки и публицисты, стараясь угодить Европе, подняли на вилы историю о якобы преднамеренной остановке войск Рокоссовского на Висле перед Варшавой. Варшава восстала по приказу польского эмигрантского правительства в Лондоне. Восставшие хотели показать всему миру, что они сами освободили свою *rodzinną Polskę*, и взялись за оружие без согласования с Красной армией и 1-й Польской Армией, которые в это время подходили к Висле и подтягивали свои растянувшиеся тылы. В итоге немцы задушили восстание.

¹¹ Витаутас Пранович Жалакявичус (1930–1969) — литовский советский кинорежиссер, драматург, сценарист. В 1956 году окончил ВГИК. В 1974–1980 годы жил в Москве. Член Союза писателей СССР. Самый известный фильм — «Никто не хотел умирать» (1966).

Нелепость обвинений поляков в бездействии Красной армии перед Варшавой давно доказана нашими историками и военными. К тому же Рокоссовскому приходилось отвлекать с фронта целые дивизии, чтобы зачистить от формирований Армии Крайовой свои тылы. На некоторых участках эту непростую работу выполняли подразделения и отдельные группы НКВД и СМЕРШа. Об одной из таких операций и рассказал Владимир Богомолов.

С появлением романа «Момент истины» русская литература была обогащена настоящим шедевром.

В сборе материалов для романа неоценимую помощь Владимиру Богомолову оказывали писатель и бывший разведчик, Герой Советского Союза, полковник в отставке Владимир Карпов, а также бывший начальник ГРУ Наркомата Обороны СССР в 1942–45 годы Иван Ильичев. Архивы были перед ним не просто открыты, а распахнуты. При этом генерал-лейтенант Иван Иванович Ильичев комментировал добытые Богомоловым документы, консультировал его по различным вопросам, касающимся работы армейской разведки в годы войны.

Именно с подачи Ильичева и Карпова Богомолов заполучил так называемый документ допуска «три К» — свободный доступ к закрытой части любых архивов. Даже теперь, когда архивы часть замков со своих дверей сняли, остаются недоступными многие фонды периода Великой Отечественной войны. Закрыт фонд политдонесений, военно-полевых судов, прокурорский, включая дивизионный уровень. Так что благодаря исключению из правил страна получила великолепный роман и сгусток документов, прокомментированный судьбами конкретных людей. Читатель это почувствовал и оценил мгновенно.

В прошлом веке роман переиздавался 130 раз.

7

«Момент истины» читали, наверное, все, кто умеет читать...

Роман писался долго. Еще в 60-е годы появились первые наброски, разрозненные эпизоды. Роман уже начал бродить в душе писателя. Яснили лица будущих героев, формировались их характеры. Богомолов несколько раз выезжал в Белоруссию, ходил по тем местам, где действовали, по замыслу писателя, его офицеры, «волкодавы» группы капитана Таманцева, и где, вполне вероятно, в том же августе 44-го выполнял задание командования и сам старшина (или уже лейтенант) Войтинский...

Последняя точка поставлена в 1973 году.

Рабочие названия: «Убиты при задержании...», «Возьми их всех!», «Позывные КАОД (В августе сорок четвертого)», «Момент истины» и, наконец, «Момент истины (В августе сорок четвертого)».

Даже в названия врывалась документальная основа романа.

Текст буквально насыщен, а порой, кажется, даже перенасыщен документами — донесениями, шифротелеграммами, приказами. Сюжет закручен так, что от книги невозможно оторваться. Интрига перенапряжена до предела. От главы к главе напряжение не ослабевает. И все разрешается в кульминационной главе — схватка в лесу двух групп. Офицеры СМЕРШа против диверсантов авбера.

К сожалению, фильм этой сложной конструкции романа и его сюжетного и смыслового напряжения не осилил. Один из кинокритиков справедливо заметил: «Киноязык вообще куда беднее литературы, несмотря на весь свой технический арсенал, но из фильма Пташука ушло главное — документы и внутренний монолог героев, их реминисценции».

Сам Богомолов о своих взаимоотношениях с кино признавался: «Мне фатально не везло с кинорежиссерами. Я имел дело с четырьмя режиссерами, двое из

них были очень известными, это Тарковский и Жалаквичус... Никто из них даже часа в армии не служил. Они не понимают этого. Они не знают этого. А главное, и слушать-то ничего не хотят... Что сейчас надо режиссерам — экшн, действие. И уже не важно, какая мысль за ним стоит, главное — поток событий, поворотов, наворотов... Так редко можно встретить в кино толкового человека».

Пташука называл «белобилетником в законе». Возмущался, отсматривая первый монтаж фильма: «Главный герой — мысль, поиск момента истины, а не шпионов».

И, возвращаясь от кино к литературе: «Я сторонник массивированной компетенции... Нарращивание компетенции, вникание в материал...»

Но бог с ним, с фильмом. На фоне явных неудач кинематографа в попытках вынести на экран тему Великой Отечественной войны «В августе 44-го» Пташука смотрится все же неплохо. Боевик и боевик... На безрыбье... Придет время, и снимут хорошо, достойно, на уровне оригинала.

В последние годы Богомолов работал еще и как консультант издания, над которым работал коллектив авторов: «СМЕРШ»: исторические очерки и архивные документы. — М.: Издательство Главархива Москвы, ОАО «Московские учебники и картолиотография», 2003. Руководитель авторского коллектива сборника начальник Управления регистрации архивных фондов ФСБ России генерал-майор Василий Христофоров о роли писателя в работе над этим сборником сказал: «...мы впервые опубликовали материалы Центрального архива ФСБ России. <...> То, о чем говорится в книге, ранее не появлялось в открытой печати, более того — все предыдущие книги о работе сотрудников “СМЕРШ” являлись либо откровенной дезинформацией, либо выдумкой самих авторов. Наиболее правдивым, отражающим реальности работы “СМЕРШ” является роман Богомолова “Момент истины. В августе сорок четвертого”. <...> Богомолов внес свою весомую лепту в создание книги “СМЕРШ”: исторические очерки и архивные документы”, согласившись <...> консультировать более молодых авторов, однако его безвременная кончина не позволила ему поддержать это издание в руках».

Хорошие слова, лестные. Но в свое время, когда роман «Момент истины» был еще рукописью, консультанты из КГБ и Главпура помотали автора изрядно. Богомолов получил огромный перечень замечаний, которые все необходимо было снять. Переписывал, вычеркивал, доводил до степени «комар носа не подточит». Помогал генерал-лейтенант И.И. Ильичев.

8

Еще в начале 70-х годов Богомолов начал писать книгу «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...»

«Жизнь моя...» — о войне. С 2005 по 2008 годы главы из романа печатал из номера в номер журнал «Наш современник». Публикация вышла с предисловием вдовы писателя Раисы Глушко.

В предисловии и интервью, которое вышло после публикации наиболее полной редакции романа в издательстве «Клуб 36°6» в 2014 году, Раиса Александровна рассказывала:

«Он не считал роман готовым для публикации, но две большие главы “В кригере” и “Вечер в Левендорфе” в виде отдельных повестей, имеющих полное право на самостоятельное существование, публиковались в журналах».

Как говорил сам Богомолов о романе «Жизнь моя...», «это большой, написанный в основном от первого лица, роман... Автор, волею судеб, почти всегда оказывается в одних местах с главным героем и в тех же самых положениях, и, более

того, свыше десяти лет физически провел в шкуре основного персонажа. Но это отнюдь не мемуарное сочинение, не воспоминание, а, выражаясь словами В. Ходасевича, “автобиография вымышленного лица”: многие десятилетия жизни человека моего поколения и шесть десятилетий жизни России — роман невольно въехал в начало 90-х годов, где и оканчивается его действие.

Это не только история жизни моего поколения, это реквием по России, по ее природе и нравственности, реквием по трудным, деформированным судьбам нескольких поколений десятков миллионов моих соотечественников. Коренными прототипами основных персонажей были и близко знакомые мне во время войны и после нее офицеры.

Войсковой разведке и армейской контрразведке в моей жизни было уделено столько времени и внимания, что обойтись без этих служб в романе я бы, наверное, не смог. В этом произведении среди изображаемых мною профессионалов есть офицеры войсковой разведки, есть и майор, начальник отдела контрразведки дивизии. Однако, не скрою, основным содержанием романа является не действие этих служб, а общечеловеческие проблемы».

Завершить роман Богомолов планировал к середине 90-х. Но не успел. Раиса Александровна, готовя посмертную публикацию вначале в журнале, а потом в издательстве, некоторые главы собирала из набросков и записей, не приведенных в порядок автором.

«Жизнь моя...» — 800 страниц.

9

Одновременно с романом «Жизнь моя...» Богомолов работал над документальной книгой о генерале А.А. Власове. Раиса Александровна рассказывала, что это «потребовало от него разносторонней работы в различных архивах Белоруссии (Минск), России (Смоленск, Брянск, Краснодар, Подольск), в центральных военных архивах Москвы и за рубежом — в Германии, Венгрии, Чехословакии. Им был собран обширный и уникальный материал. В отличие о Г. Владимирова, автора романа “Генерал и его армия”, он на основе документов и фактов приходит к выводу, что Власов — банальный предатель, не достойный никаких оправданий. Увы, обе эти книги Богомолов не закончил, оставив огромный писательский архив».

По поводу Власова Богомолов высказался совершенно определенно: «Уже не первое десятилетие, отбросив идеологическую фразеологию, пытаюсь осмыслить и понять поведение и действия генерала Власова в июне-августе 42-го года, стараясь с позиций общечеловеческой объективности найти хоть какие-то, даже не оправдательные, а всего лишь смягчающие обстоятельства его поступков, но не получается...»

На должностях командующих общевойсковыми армиями в Отечественную войну побывали 183 человека, 22 из них погибли, несколько попали в плен, но, кроме Власова, не один не перешел на службу к немцам. 16 общевойсковых армий попадали в окружение, при этом несколько командующих погибли, трое в последнюю минуту покончили жизнь самоубийством, но ни один не оставил в беде своих подчиненных, а Власов бросил — около 10 000 истощенных, опухших от голода бойцов и командиров 2-й ударной армии с боями прорвались из окружения, однако более 20 000 человек погибли и пропали без вести.

Доставленный после задержания на станцию Сиверская к командующему 18-й немецкой армией генерал-полковнику Линдеману Власов в течение нескольких часов через переводчика излагал все, что он знал о 2-й ударной армии, Волховском и Ленинградском фронтах, сообщал сведения, способствовавшие борьбе с его соотечественниками, в том числе и бывшими его подчиненными. Своей лезтью,

угодничеством и “жаждой предательства” Власов Линдеману, так же, как позднее и генералу Кестрингу, активно не понравился, вызвал недоверие и, почувствовав это, написал известный реферат — на 12 машинописных страницах изложил свои рекомендации, конкретные советы германскому командованию, как успешнее бороться с той самой Красной Армией, в которой он прослужил 24 года...

Этим общеизвестным действиям Власова нет и не может быть оправдания. В истории России и Отечественной войны Власов был и остается не идейным перебежчиком и не борцом с “*кликой Сталина*”, а преступившим присягу, уклонившимся в трудную минуту от управления войсками военачальником, бросившим в беде и тем самым предавшим более 30 000 своих подчиненных, большинство из которых заплатили за это жизнями. В некоторых сенсационных публикациях последнего времени РОА стараются выдать за массовое движение, называя поистине фантастические цифры: миллион и даже полтора миллиона военнослужащих; между тем общая численность власовского воинства, включая авиацию и подразделения охраны, как однозначно свидетельствуют немецкие документы, максимум составляло всего лишь около 50 000 человек, из них 37 000 были русские. Полностью же укомплектована и вооружена была только одна дивизия — 600-я пехотная полковника, позднее генерал-майора Буняченко, то есть армию как таковую, создать, по сути, не успели...

...Очернение с целью “изничтожения проклятого тоталитарного прошлого” Отечественной войны и десятков миллионов ее живых и мертвых участников как явление отчетливо обозначилось еще в 1992 году. Люди, пришедшие перед тем к власти, убежденные в необходимости вместе с семью десятилетиями истории Советского Союза опрокинуть в выгребную яму и величайшую в многовековой жизни России трагедию — Отечественную войну, стали открыто инициировать, спонсировать и финансировать фальсификацию событий и очернение не только сталинского режима, системы ее руководящих функционеров, но и рядовых участников войны — солдат, сержантов и офицеров.

Тогда меня особенно впечатлили выпущенные государственным издательством “Русская книга” два “документальных” сборника, содержащие откровенные перепроверки, фальсификацию и прямые подлоги. В прошлом году в этом издательстве у меня выходил однотомник, я общался там с людьми, и они мне подтвердили, что выпуск обеих клеветнических книг считался “правительственным заданием”, для них были выделены лучшая бумага и лучший переплетный материал, и курировал эти издания один из трех наиболее близких в то время к Б.Н. Ельцину высокопоставленных функционеров.

Еще в начале 1993 года мне стало известно, что издание в России книг перебежчика В.Б. Резуна (“Суворова”) также инициируется и частично спонсируется (выделение бумаги по низким ценам) “сверху”...

На этом затянувшуюся цитату, мне кажется, можно прервать.

Писатель Николай Черкашин, общавшийся с Богомолотовым, в своих воспоминаниях о нем («Российская газета» от 11.09.2007) писал: «В последние годы жизни Владимир Богомолотов работал над публицистическим романом о генерале Власове. Для него это был враг № 1 — предатель. И он проверял Власова, равно как и тех, кто его окружал, с дошностью капитана Алехина, добываясь момента истины, заводя на каждого из них свое следственное дело и завершив его, подшивал архивную справку о месте захоронения того или иного невыдуманного персонажа.

— Власов — такая гнида была! — искренне возмущался Богомолотов всякий раз, когда речь заходила об его антигерое. — Сегодня его пытаются поднять на щит, сделать из него национального героя. Но вся аргументация — это окаменелое дерьмо геббельсовской пропаганды».

Жил Владимир Богомолотов с семьей в Москве.

В 1956 году от первой жены Светланы Филипповны Суворовой (1924–2012) родился сын Александр.

Умер Богомолов от тяжелого онкологического заболевания 30 декабря 2003 года. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

10

Меня потрясла эта короткая новелла сразу и навсегда. И когда я перечитываю ее — а перечитывать ее можно как стихотворение, — каждый раз переживаю то же волнение.

Вспоминаю: ночью мы на автобусе пересекали польскую границу, и водитель усталым голосом объявил, что следующая остановка будет в Белостоке, и, услышав это слово, прозвучавшее как пароль, я потом не отрывался от окна до самой остановки, но ничего, кроме леса и ночной обочины, не увидел...

КЛАДБИЩЕ ПОД БЕЛОСТОКОМ

Католические — в одну поперечину — кресты и старые массивные надгробья с надписями по-польски и по латыни. И зелень — яркая, сочная, буйная.

В знойной тишине — сквозь неумолчный стрекот кузнечиков — не сразу различимый шепот и еле слышное всхлипывание.

У каменной ограды над могилкой — единственные, кроме меня, посетители: двое старичков, он и она, — маленькие, скорбные, какие-то страшно одинокие и жалкие.

Кто под этим зеленым холмиком? Их дети, может, внуки?..

Подхожу ближе, и уже явственно — шепот:

— ...Wieczne odroszczywanie racz mu das Panic¹²...

А за кустом, над могилой, — небольшая пирамидка с пятиконечной звездочкой. На выцветшей фотографии — улыбающийся мальчишка, а ниже надпись:

«Гв. сержант Чинов И.Н. 1927–1944».

Смотрю со щемящей грустью на эту задорную курносую рожу и на старых-стареньких поляков и думаю: кто он им?.. И отчего сегодня, пятнадцать с лишним лет спустя, они плачут над его могилой и молятся за упокой его души?..

1963 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

Тринадцать лет до бессмертия. — Нижне-Волжское книжное издательство, 1975.

За оборону Сталинграда. — М.: Малыш, 1976.

Иван. — М.: Советская Россия, 1980.

Огненные километры. — М.: Молодая гвардия, 1980.

Иван. Зоя. — М.: Детская литература, 1981.

Роман. Повести. Рассказы. — Л.: Лениздат, 1981.

Останутся навечно. — М.: ДОСААФ, 1982.

Момент истины. — М.: Правда, 1985.

Сердца моего боль. — М.: Молодая гвардия, 1985.

Момент истины. — М.: Правда, 1988. (Б-ка журнала «Знамя»).

Момент истины. — М.: АСТ, 1999.

Момент истины. Повести. Рассказы. — М.: Олма-Пресс, 2005.

Сочинения. В 2-х томах. — М.: Вагриус, 2008.

Десять лет спустя. — М.: Книжный клуб 36'6, 2013.

¹² ...Дай ему вечный покой, господи (польск.).

«Жизнь моя, иль ты приснилась мне?..» — М.: Клуб 36'6, 2014.

Иван. — М.: Речь, 2015.

Иван. — СПб.: Амфора, 2016.

Момент Истины. — М.: Речь, 2018.

НАГРАДЫ И ПРЕМИИ

Некоторые из наград В.О. Богомолова (по данным из открытых источников):

— орден Отечественной войны I степени;

— орден Отечественной войны II степени;

— орден Трудового Красного Знамени;

— орден «Знак Почета»;

— медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»;

— медаль «За победу над Японией»;

— премия имени разведчика Николая Кузнецова;

— диплом и медаль ЮНЕСКО «За выдающийся вклад в мировую литературу» — за «гуманизацию жестокого военного ремесла», и др.

